

Берлинскій Конгрессъ 1878 года ¹⁾.

(Дневникъ, веденный на мѣстѣ Д. Г. Анучинымъ).

Суббота 17/29 іюня. Вчера вечеромъ было новое засѣданіе у Шувалова съ Черногорцами; я, какъ незнакомый съ мѣстностью, не былъ на совѣщаніи; были Бобриковъ и Боголюбовъ.

Черногорскій вопросъ можетъ очень расхолодить наши отношенія къ Австріи, которая, какъ всегда, порядочно насолила намъ, опираясь на Англию, передъ которою пѣла Лазаря. Думаю, что рано или поздно, но часъ расплаты придетъ, и тогда плохо будетъ Австріи, а до того времени ея политики живутъ настоящимъ и прохаживаются на нашъ счетъ. Венгрія, въ лицѣ Андраши, оплачиваетъ намъ за 1849 годъ.

Кажется, жара, преслѣдовавшая насъ, начинаетъ спадать. Сегодня уже можно было спать спокойно, а къ утру стало даже свѣжо. Вчера, не зная, что дѣлать отъ жары, я сбѣжалъ въ другой №, окна котораго выходятъ во дворъ (№ 48) и хотя лишень теперь вида на Behrnstrasse, но за то нѣтъ жары, прежде же солнце было съ ранняго утра до поздняго вечера, и некуда было отъ него укрыться.

Былъ у Шувалова въ 11 ч. Онъ уѣхалъ уже на предварительное совѣщаніе въ залу Конгресса и взялъ съ собою Бобрикова. Дѣло въ томъ, что вчера, на 8-мъ засѣданіи Конгресса, рѣшили образовать особую комиссію разграниченія изъ уполномоченныхъ, по

¹⁾ См. „Русск. Старину“ май 1912 г.

одному отъ каждой державы, для формулированія окончательнаго направленія границъ, при чемъ австрійцы представили проектъ границъ Сербіи, а Мегеметь-Али-Паша—границы Черногоріи. Предположили снова собрать нашу военную комиссію, усиливъ ее офицерами отъ Пруссіи, Италіи, Франціи и Турціи. Окончательное соглашеніе по этому должно было состояться сегодня передъ или послѣ Конгресса. Чтобы скорѣе передать намъ объ этомъ рѣшеніи, графъ Шуваловъ и взялъ съ собою Бобрикова. Почему-то соглашеніе затянулось, и Бобриковъ ушелъ изъ залы Конгресса, не дождавшись рѣшенія. Между тѣмъ я, узнавъ о предполагаемомъ созваніи нашей комиссіи, вернулся домой.

Вскорѣ мнѣ дали знать изъ посольства, что созывъ комиссіи рѣшенъ и собираютъ насъ немедленно. Пошли къ Бобрикову—нѣтъ дома. Секретарь Шувалова, Бутеневъ пришелъ въ посольство и сказалъ, что Бобрикова тамъ нѣтъ. Совѣтникъ посольства Араповъ ѣздилъ по всему городу и не нашелъ его нигдѣ, а между тѣмъ онъ преспокойно сидѣлъ у Шувалова, ожидая его возвращенія, а такъ какъ самъ Шуваловъ былъ на Конгрессѣ, то и не предполагали возможнымъ, чтобы кто-нибудь оставался у него въ квартирѣ. Въ то же время ко мнѣ приходилъ австріецъ Тѣммель узнать, когда будетъ наше собраніе; оказалось, что и у нихъ идетъ та же суматоха. Англичанъ едва разыскали. Наконецъ, собралась, наша старая комиссія въ прежнемъ составѣ и, подождавъ до $1/26$ рѣшила разойтись въ томъ предположеніи, что новые наши товарищи едва-ли успѣютъ явиться сегодня. Однако, успѣли потолковать о границахъ Сербіи и Болгаріи. Англичане какъ-то стоворчивѣе. Что-то будетъ завтра; собираемся въ $2\frac{1}{2}$ ч. дня.

Потомъ обѣдали всѣ одновременно, но не вмѣстѣ въ Кайзергофѣ, гдѣ нѣтъ уже болѣе *table-d'hote*, а садятся за отдѣльными столиками: обѣдъ по картѣ стоитъ $4\frac{1}{2}$ марки. Обѣдъ дали прекрасный, отличные артишоки и чудесный рейнвейнъ. Въ залѣ Кайзергофа видѣлъ румынскихъ министровъ Братіано и Кагальничеано. На насъ, русскихъ, смотрятъ косо.

Послѣ обѣда, передъ тѣмъ какъ идти къ Шувалову и узнать у него, что было на засѣданіи, я зашелъ къ Бобрикову. Вдругъ являются туда разыскивать... самого Шувалова! Все это цѣлые дни бѣгаетъ отъ одного къ другому; каждый другъ друга ищетъ. Суматоха невѣроятная. Всѣ члены Конгресса измучились. Говорятъ, что къ 8/20 іюля (почему именно къ 8/20?) Конгрессъ кончится. Неужели еще столько времени будемъ ждать здѣсь.

На-дняхъ ѣдетъ въ Царское Село Бобриковъ, а за нимъ, вѣроятно, придется ѣхать мнѣ. Въ Царскомъ происходитъ только докладъ Государю и сейчасъ же немедленная отсылка обратно, такъ что нельзя даже ѣхать въ Петербургъ. Мнѣ еще Шуваловъ ничего не говорилъ, но думаю, что не избѣжать поѣздки, которую ожидаю ежедневно.

Въ комиссію разграниченія при Конгрессѣ (Commission de délimitation) вошли:

- отъ Германіи—князь Гогенлоэ.
- „ Австріи—баронъ Гаймерле.
- „ Франціи—графъ Сенъ-Валье.
- „ Англіи—лордъ Одо-Россель.
- „ Италіи—графъ Де-Лонэ.
- „ Россіи—графъ Шуваловъ.
- „ Турціи—Мегеметь-Али-Паша.

Боснія и Герцеговина преподнесены вчера Австріи. Предложеніе сдѣлалъ Салисбюри, а передъ тѣмъ Андраши сказалъ іезуитскую рѣчь, выставляя на видъ безобразія, происходившія въ Босніи, и сказалъ, что самые жизненные интересы Австріи требуютъ установленія на этотъ предметъ такого рѣшенія, которое способно было бы умиротворить край и предупредить возобновеніе безпорядковъ, столько стоявшихъ Австріи.

Горчаковъ сказалъ, что въ вопросѣ о Босніи и Герцеговинѣ Россія не заинтересована ?!! Шуваловъ ничего не говорилъ.

Понедѣльникъ 19 іюня (1 іюля). Вчера 18/30, въ воскресенье, мы одержали въ нашей комиссіи если не полную, то весьма значительную побѣду, а англичане провалились совсѣмъ.

Комиссія наша, которую называютъ „la commission des délégués spéciaux de délimitation“, состоитъ теперь изъ двѣнадцати членовъ. Заявленія наши о невозможности вести дѣло только съ австрійцами и англичанами—были уважены, и комиссію усилили новыми членами. Поименовываю ихъ всѣхъ, выписывая названія державъ въ алфавитномъ порядкѣ, принятомъ вообще на Конгрессѣ. Въ этомъ порядкѣ подавались и голоса въ нашей комиссіи.

Allemagne—Блюме (Blume), генеральнаго штаба подполковникъ и начальникъ отдѣленія въ военномъ министерствѣ.

Autriche—баронъ Швѣгель (Schwegel), начальникъ отдѣленія въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, и фонъ Тѣммель (von Thömmel), подполковникъ генеральнаго штаба, бывшій долгое время въ Черногоріи.

France—графъ де-Семезонъ (de Sesmaisons), полковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Grande Bretagne—генераль Симмонсъ (Simmons) и Ардагъ (Ardagh), инженеръ-капитанъ.

Italie—графъ дель-Майно (Del-Maupo), подполковникъ генеральнаго штаба и военный агентъ въ Берлинѣ.

Russie—генеральнаго штаба: генераль-лейтенантъ Анучинъ; генераль-маіоръ Бобриковъ и полковникъ Боголюбовъ; Боголюбовъ бывалъ на засѣданіяхъ преимущественно по дѣламъ Черногоріи, а я на такія засѣданія (о Черногоріи) не приходилъ.

Turquie—маіоръ Нури Еффенди (Nouri Effendi), военный агентъ въ Берлинѣ и Гуссейнъ Назимъ (Hussein Nazim)—эскадронный командиръ генеральнаго штаба.

Приступая къ опредѣленію окончательныхъ границъ Сербіи, намъ приходится считаться со слѣдующими фактами:

а.) Боснія и Герцеговина уступлены Австріи съ оставленіемъ Сербіи Малаго Зворника и Захара.

б.) Австрія отказалась отъ занятія Enclave, но оговорила себѣ право, впоследствии, занять Ново-Базарскій санджакъ, т. е. ту часть Enclave, которая прежде входила въ составъ Боснійскаго вилайета; слѣдовательно, Австрія употребитъ всѣ усилія, чтобы сохранить за Турціею западную часть прирѣзки къ Сербіи по Санъ-Стефанскому договору, прирѣзки, которая подходила къ самой Митровицѣ и желѣзной дорогѣ отъ Митровицы въ Салоники.

в.) Аналогичнымъ заявленіемъ Турціи о необходимости расширить, по возможности, промежутокъ между Сербіею и Черногоріею; это заявленіе должно будетъ особенно невыгодно отразиться на сохраненіи Санъ-Стефанской границы Черногоріи, такъ какъ на большей части этого пространства сербскія границы оставались старыя, а впередъ выдавались границы Черногоріи.

Словомъ, мы стоимъ лицомъ къ лицу съ такъ названною Игнатьевымъ и всѣми въ Санъ-Стефано „скотопрогонною дорогою“, т. е. узкой полосой между Сербіею и Черногоріею, оставленною для Турціи въ видѣ дороги для сообщенія между искалѣченными западными провинціями. Игнатьевъ особенно хвалился этою „скотопрогонною дорогою“, хотя въ дѣйствительности едва-ли она была нужна послѣ того, какъ Россія заранѣе предоставляла Австріи право занять Боснію и Герцеговину. Депеша Государя отъ 15/27 іюня (см. выше подъ 16/28 іюня) ясно показываетъ, что онъ не имѣлъ въ виду отказываться отъ своего слова. Зачѣмъ же было и оставлять эту скотопрогонную дорогу къ чужимъ владѣніямъ?

Здѣсь же, въ Берлинѣ, мы неоднократно убѣждались, что именно эта скотопрогонная дорога приводила въ ярость и Австрію, и Турцію. Мнѣ кажется, что если бы, при заключеніи Санъ-Стефанскаго договора, мы вспомнили объ условіяхъ нашихъ съ Австріей и прямо заявили о предоставленіи ей права занять Боснію и Герцеговину—съ предварительнаго ея на такое заявленіе соглашенія—то мы не имѣли бы теперь противъ себя Австрію, и пожалуй Черногорія примкнула бы къ границамъ Сербіи.

Заявленія Турціи и Австріи, розданныя намъ въ печатныхъ экземплярахъ, у сего прилагаются ¹⁾).

Поддерживая Турцію въ видахъ расширенія скотопрогонной дороги, Австрія потребовала уступки западной части прирѣзки къ Сербіи, отодвинувъ эту границу къ востоку, параллельно желѣзной дорогѣ и начиная новую границу у Приштины. Не желая обидѣть Сербію, Австрія за эту отрѣзку требовала прирѣзки къ Сербіи—на счетъ Болгаріи—Врани, Трна и Пирота съ ихъ округами и части Брежняцкаго округа.

Полагая сперва разсмотрѣть только границу Сербіи отъ Турціи и рассчитывая, что проведеніе границы собственно между Сербіей и Болгаріей не вызоветъ затрудненій, Россія согласилась въ принципѣ принять австрійскую линію, выговоривъ только въ пользу Сербіи—Преполацкое ущелье и вершины р. Медвѣдѣй.

Все вышенаписанное подробно изображаетъ основанія, которыхъ мы рѣшились держаться и которыя были выработаны на совѣщаніяхъ у Шувалова.

Мы (я и Бобриковъ) пришли въ засѣданіе, когда всѣ уже собрались кромѣ австрійцевъ. Познакомились и разговорились. Оказалось, что новые члены еще наканунѣ, вечеромъ въ субботу, видѣлись съ англичанами и австрійцами и узнали отъ нихъ объ ихъ желаніи на счетъ проведенія сербской границы. Рѣшили заняться этимъ вопросомъ. Во всѣхъ комиссіяхъ, состоявшихъ при Конгрессѣ, предсѣдательствовали члены отъ Германіи. А потому я и Симмонсъ, какъ старшіе по чинамъ, обратились къ подполковнику Блюме съ предложеніемъ взять на себя предсѣдательство. Онъ долго отказывался, ссылаясь на свой чинъ, но мы его убѣдили согласиться, такъ какъ старшинство здѣсь не могло что-либо значить, тѣмъ болѣе, что случайно представители двухъ противныхъ партій—генералы; ни одному изъ нихъ неудобно было быть въ одно и то же время и предсѣтелемъ, и защитникомъ крайняго мнѣнія.

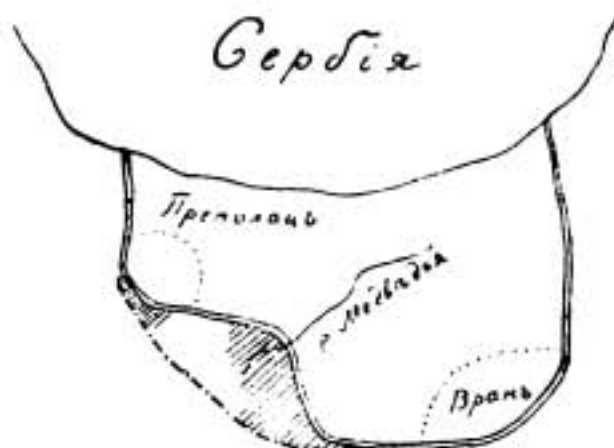
¹⁾ Приложение № 4.

Когда Блюме согласился, мы усѣлись за столъ въ такомъ порядкѣ:

Приступили къ работамъ. Прежде всего предсѣдатель (Блюме) предложилъ условиться на счетъ того, какъ выразить граничную черту. На установленіи этого особенно настаивали мы, ссылаясь на недоразумѣнія бывшихъ уже нашихъ совѣщаній. Условились при направленіи границы: по хребтамъ горъ—брать ихъ гребни (*erête*); по рѣкамъ—ихъ русло (*thalweg*): по бассейнамъ рѣкъ—водораздѣлы (*la ligne de partage des eaux*). Это принято единогласно; англичане и на этотъ разъ немало говорили о зонахъ, но должны были уступить общему голосу, чтобы не остаться въ одиночествѣ.

Затѣмъ австрійцы прочитали свое заявленіе. Мы заявили согласіе съ ними, оставя за собою право объяснить при самыхъ дебатахъ, нѣкоторыя измѣненія въ пользу Сербіи. Англія, за себя и Турцію, высказалась тоже въ пользу австрійской линіи, но оставляла за Турціей Враню и ея округъ.

- Линія австрійцевъ.
- Англо-турецкая, въ ней сокращеніе.
- - - - - Наши прибавки.

Итакъ оказались три линіи: австрійская, турецко-англійская и наша. Каждая сторона объяснила свое направленіе, приводя принятыя къ тому основанія. Англичане (турки были нѣмы) прямо говорили, что желаютъ оградить бѣдную Турцію отъ Сербіи. Австрійцы выставляли впередъ необходимость поддержать ихъ тор-

говлю и прикрыть Митровицо-Салоникскую желѣзную дорогу. Мы заявили совсѣмъ другое. Для насъ, говорили мы, нѣтъ ни сербовъ, ни турокъ. Мы хотимъ провести границы по возможности естественныя, которыя не были бы явно ни въ пользу одной, ни въ пользу другой стороны, и полагаемъ, что если на одной дорогѣ черезъ пограничныя хребты есть два ущелья, напр. Любча и Преполацъ, то слѣдуетъ одно отдать Турціи, а другое оставить за Сербіей. Если одно ущелье, то его надо раздѣлить поперекъ, чтобы оно было общимъ и чтобы каждая сторона оберегала свой выходъ. Наконецъ, мы сказали, что наша граница примыкаетъ къ большимъ хребтамъ, составляющимъ безспорную и непроходимую линію въ верховьяхъ р. Медвѣдъей.

Вновь введенные въ комиссію элементы, т. е. представители Германіи, Франціи и Италіи, попросили разрѣшенія обмѣняться между собою взглядами и придти къ одному заключенію, которое могло бы быть выраженіемъ мнѣнія державъ, незаинтересованныхъ въ дѣлѣ непосредственно и потому болѣе безпристрастныхъ. По окончаніи этого совѣщанія, довольно продолжительнаго, графъ де-Семезонъ, отъ себя и отъ имени двухъ своихъ товарищей, заявилъ, что они признаютъ необходимымъ принять среднія рѣшенія и предлагаютъ поставить слѣдующіе вопросы:

1) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи проходъ Любча?

2) Слѣдуетъ ли отдать Сербіи весь проходъ Преполацъ (такъ какъ Любча остается за Турціей), прибавя къ австрійской линіи пространство въ тысячу метровъ?

3) Слѣдуетъ ли предоставить Сербіи верховья р. Медвѣдъей, приблизившись къ русской линіи, и

4) слѣдуетъ ли сохранить за Сербіей округъ Враня?

Постановка нейтральными членами всѣхъ вопросовъ была благопріятна нашему заявленію и въ пользу Сербіи. Комиссія согласилась на постановку этихъ вопросовъ. Началось голосованіе.

По первому вопросу, кромѣ насъ, всѣ сказали *нѣтъ*, и Любча осталась за Турціей.

По второму было *3 нѣтъ* и *4 да*; Преполацъ съ присоединеніемъ территоріи въ тысячу метровъ впередъ—достался Сербіи.

По третьему было *3 нѣтъ* (Австрія, Англія и Турція) и *4 да*—верховья р. Медвѣдъей достались Сербіи и принята наша линія. Австрійцы разсердились. „Кому принадлежитъ линія водораздѣла? спрашиваетъ баронъ Швегель, такъ какъ бассейнъ ничего еще не опредѣляетъ на счетъ линіи водораздѣла“. Хорошъ! Ему замѣтили, что вопросъ этотъ разрѣшенъ въ самомъ началѣ засѣданія и возвращаться къ нему нельзя.

Мы были, разумѣется, за линію Враня австрійскую; она хотя и обижала Болгарію, но вознаграждала Сербію за сдѣланную у нея отрѣзку новой границы на западъ. Считая необходимымъ дать ей что-либо въ замѣнъ, надо было начать съ уступки ей Враня. Англичане же хотѣли отхватить отъ Сербіи, въ пользу Турціи, весь Вранскій округъ съ великолѣпнѣйшимъ Гределицкимъ ущельемъ.

Представитель Италіи графъ дель-Майно предложилъ среднюю линію, съ которою на предварительномъ совѣщаніи согласились Франція и Германія.

Опять явилось три линіи — англійская, австрійская и итальянская. Съ которой начать голосованіе? Очевидно, что пруссакъ, французъ и итальянецъ, предлагая среднюю линію, сомнѣвались въ возможности сохранить для Сербіи линію австрійскую и находили справедливымъ отрѣзать менѣе, чѣмъ хотѣли взять англичане. Поэтому выгоднѣе было для насъ начать съ англійской линіи, которую едва-ли бы кто могъ защищать кромѣ англичанъ и турокъ.

Предсѣдатель спрашиваетъ: „съ какой линіи начать голосованіе?“ Мы говоримъ, что все равно, лишь бы не съ средней, которая должна быть второй. Предсѣдатель: „итакъ англійская или австрійская? кто за англійскую, поднять руки, кто за австрійскую, не поднимать“.

Большинство и въ томъ числѣ *англичане* и турки и, разумѣется, мы, подняли руки. Австріецъ Швёгель, сидѣвшій между мною и англійскимъ генераломъ, говоритъ: „что они дѣлаютъ, не понимаютъ послѣдствій“ и, обращаясь къ англійскому генералу — „да развѣ вы не догадываетесь, что сдѣлали капитальную ошибку!“ Тотъ смотритъ удивленно.

При голосованіи за англійскую линію подали голоса: 2 *да* (Англія и Турція) и 5 *нѣтъ*. Линія и англичане съ турками провалились. Надо было видѣть ихъ досаду. Тогда они начали говорить, что прежде чѣмъ голосовать среднюю, итальянскую линію, ее надо исправить, приблизивъ къ англійской. Начались споры.

„Позвольте, заявляемъ мы: вѣдь эта линія была уже изучена; мы потратили на нее болѣе часу времени и, наконецъ, всѣ вопросы были поставлены безъ малѣйшихъ протестовъ. Надо продолжать“. Австрійцы, раздосадованные рѣшеніемъ первыхъ вопросовъ въ нашу пользу, приняли сторону англо-турокъ, но безуспѣшно.

По итальянской линіи, т. е. слѣдуетъ ли ее принять за границу Сербіи, получилось 4 *нѣтъ* и 3 *да*, т. е. турки, англичане и предатели австрійцы, которые, чтобы поддержать турокъ, сказали *да*, отступаясь такимъ образомъ отъ своей линіи. Вотъ плуты? Провалялась и эта линія.

За третью линію, австрійскую, было 5 *да* и 2 *нѣтъ*, т. е. турки и англичане. Итакъ они провалялись со скандаломъ. Всѣ ихъ предложенія безусловно отклонены, а большая часть нашей прирѣзки получена. Мы на это даже и не рассчитывали, такъ какъ Сербія и безъ того получаетъ совершенно достаточно и даже больше, чѣмъ предполагалось ей дать по Санъ-Стефанскому договору.

Рѣшенія наши мы резюмировали слѣдующимъ протоколомъ:

„Военная комиссія, въ своемъ засѣданіи 30-го іюня, высказалась большинствомъ голосовъ въ пользу прилагаемаго у сего предложенія Австро-Венгріи относительно сербскихъ границъ съ тѣми измѣненіями:

„1) что будетъ назначенъ районъ въ тысячу метровъ къ югу отъ пункта, въ которомъ линія водораздѣла перерѣзывается дорогою изъ Куршумле въ Приштину,

„2) что верхній бассейнъ Медвѣджи останется за Сербіей.

„Вопросъ о томъ, должны ли Пиротъ и Трнъ составить часть Сербіи или нѣтъ—комиссіею отложенъ“.

Я съ удовольствіемъ пообѣдалъ въ Кайзергофѣ и два раза былъ у Шувалова, чтобы передать ему о происшедшемъ, но, не заставъ его дома и въ послѣдній разъ, написалъ ему записку, чтобы онъ, придя домой, узналъ о хорошихъ результатахъ.

Въ этомъ же составѣ, комиссія наша будетъ заниматься и болгарскими границами. Шансы отстоять наши предложенія увеличиваются, и есть надежда, что пограничные вопросы будутъ рѣшены недурно. Должно отстоять Шипку, и на это будетъ обращено самое большое вниманіе; наша позиція, наши кладбища не могутъ быть профанированы турками.

Я въ хорошемъ расположеніи духа—а это такъ рѣдко теперь бываетъ со мною—и въ восторгѣ, что англичане съ носомъ. Поддержка Пруссіи, Франціи и Италіи тѣмъ важнѣе, что она устранила всѣ вопросы, кромѣ военныхъ, т. е. стали на нашу точку зрѣнія, а слѣдовательно, соглашеніе возможно, и для насъ выгоднѣе, чѣмъ прежде.

Сегодня утромъ былъ у Шувалова. Тамъ былъ Ристичъ. Онъ сильно агитируетъ въ пользу отдѣленія къ Сербіи, кромѣ отданной уже ей Врани, еще Пирота и Трна. Въ своемъ разглагольствованіи онъ увлекся до того, что заявилъ о желаніи населенія этихъ городовъ съ ихъ округами сдѣлаться сербскими. Къ нему оттуда, будто бы, поступило множество подобныхъ заявленій и что если устроить плебисцитъ, то, безъ всякаго сомнѣнія, всѣ мѣстные жители поголовно выскажутся за присоединеніе къ Сербіи. Какъ хорошо знакомый съ обстоятельствами, я опровергъ это фактами, сказавъ, что если и есть голоса за Сербію, то только потому, что мѣстности эти, къ сожалѣнію, заняты сербскими войсками, и что тамъ устроена не наша, а сербская гражданская администрація, производящая страшныя безобразія и потребовавшая, чтобы духовенство на эктеніяхъ поминало имя князя Милана. Пиротскій митрополитъ, заявившій протесты противъ сербскихъ порядковъ, былъ схваченъ и увезенъ въ Нишъ, гдѣ его держатъ плѣнникомъ. Можно ли при подобныхъ условіяхъ говорить о плебисцитѣ—это была бы постыдная комедія, разыгранная по камертону сербскихъ начальниковъ, хозяйничающихъ въ краѣ только потому, что мы не заняли его своими войсками. Ристичъ былъ крайню недоволенъ, но опровергнуть моихъ доводовъ не могъ, такъ какъ я прямо сказалъ, что по телеграфу можно немедленно получить отъ нашего главнокомандующаго полное подтвержденіе моихъ словъ.

Вторникъ, 20 іюня/2 іюля, 10 ч. утра. Здѣсь идутъ дожди, но воздухъ мало посвѣжѣлъ. Едва сдѣлаешь нѣсколько шаговъ, какъ уже весь мокрый; только по вечерамъ пріятно проѣхаться по Тиргартену, но и онъ, несмотря на всю свою прелесть, становится однообразнымъ.

Что было рѣшено на вчерашнемъ засѣданіи Конгресса по поводу возвращенія намъ части Бессарабіи—не знаю еще, такъ какъ не видалъ Шувалова. Онъ цѣлый день разъѣзжаетъ и трудится много; на его долю за болѣзнь Горчакова выпала вся работа и при томъ тѣмъ болѣе трудная, что приходится нерѣдко исправлять то, что старикъ сболтнетъ по старости и малому знакомству съ дѣломъ. Последнее обстоятельство ужасно. Весь букетъ его выдохся, если и былъ,—и осталось умѣнье говорить звучныя, отборныя фразы безъ малѣйшаго содержанія и иногда, увы, ни къ чему не относящіяся изъ того, о чемъ идетъ разговоръ. Это очень печальное положеніе, и старикъ не понимаетъ его, а иначе не напросился бы пріѣхать сюда.

По теперешнему ходу дѣлъ на Конгрессѣ, обѣщаютъ скорое его окончаніе; далъ бы Богъ, а то тяжело живетъ здѣсь. Цѣлый день бѣгаешь, бѣгаешь, ждешь, спрашиваешь или споришь и волнуешься. Самолюбіе наше и честь Россіи оскорбляются на каждомъ шагу; каждое засѣданіе Конгресса приноситъ новую каверзу, новую дерзость. Жаль, что я не былъ въ Петербургѣ передъ объявленіемъ войны; будь это, можно бы сказать, что присутствовалъ при всѣхъ перипетіяхъ восточнаго вопроса.

Ежечасно ожидаемъ приглашенія въ Магдебургъ: почему-то все откладываютъ. Во всякомъ случаѣ поѣду, очень интересно будетъ видѣть маневры прусскихъ войскъ—но, пожалуй, занятія въ комиссіи помѣшаютъ.

9 ч. вечера. Утромъ у Шувалова. Онъ разсказалъ, что вчера, 19-го, въ комиссіи уполномоченныхъ обсуждалось наше рѣшеніе о сербскихъ границахъ. Англичане и турки сильно возстаютъ противъ уступокъ Сербіи Преполаца и Врани, т. е. противъ того, что они проиграли въ нашей комиссіи, по большинству голосовъ. Большіе тоже споры вышли изъ-за округовъ Пиротъ и Трнъ, которые хотятъ отдать Сербіи. Сегодня конгрессу Шуваловъ предложитъ передать въ *commission de délimitation* вопросъ о болгарской границѣ. Опять, слѣдовательно, придется работать и нашей военной комиссіи.

Тамъ же онъ увидалъ у Одо-Росселя карту, на которой назначены предполагаемые англичанами границы Софійскаго санджака, т. е. ту самую карту, которую мы уже видѣли у англичанъ съ границами бассейна Искура. Шуваловъ попросилъ, чтобы подобной карты даже и не клали на столъ комиссіи, такъ какъ онъ никогда и ни за что не согласится на что-либо подобное. Вообще бывшіе споры и вновь готовящіяся заявленія англичанъ такъ его разстроили, что онъ не могъ долѣе говорить и ушелъ изъ комиссіи.

При выходѣ Салисбюри говоритъ ему: „что это вы такъ разстроились; будемъ разсуждать хладнокровно, все можно уладить“.

Въ 6^{1/2} ч. Убри давалъ намъ обѣдъ. Былъ Шуваловъ, всѣ мы, пріѣхавшіе изъ Петербурга, и нашъ министръ-резидентъ въ Гамбургѣ (Гольтке?)—сухая фізіономія. Обѣдъ былъ въ 6^{1/2}, и всѣ мы были во фракахъ. Обѣдъ прекрасный, хотя щи были только по названію щами, а смахивали на какую-то похлебку, но все равно всѣ были довольны и похваливали.

Шуваловъ удивительный разсказчикъ. Говоритъ прелестно и съ большимъ одушевленіемъ. Разсказывалъ разныя разности и про

Конгрессъ, и вообще разные случаи. На Конгрессѣ, около залы засѣданій устроенъ буфетъ, на счетъ германскаго правительства, гдѣ завтракають члены Конгресса, и такъ какъ зало въ квартирѣ Бисмарка, то туда, пользуясь случаемъ, является и семейство его, до засѣданій, разумѣется, и уписываетъ даровыя прелести. Шуваловъ говоритъ, что самъ видѣлъ такое кормленіе, на которое собрались не только папа Бисмаркъ съ чадами, но и цѣлая куча разныхъ тетушекъ, кузинъ и проч. Буфетъ держитъ здѣшній Елисеєвъ—Борхартъ, у котораго лучшій магазинъ винъ и деликатесовъ.

Сегодня вечеромъ въ 9 ч. засѣданіе нашей комиссіи по черноморскому вопросу. Гогенлоэ просилъ Шувалова не присылать на засѣданіе троехъ, а только двоихъ, иначе силы неравны. Поэтому пойдутъ только Бобриковъ и Боголюбовъ, оба бывшіе въ Черногоріи. Передъ обѣдомъ у Убри, мы втроемъ (я, Бобриковъ, Боголюбовъ) писали записку о границахъ Софійскаго санджака и дали ее послѣ обѣда Шувалову, который тутъ же сдѣлалъ изъ нея извлеченіе по-французски для передачи въ комиссію разграниченія. Въ Софійскомъ санджакѣ въ сущности важны рѣшенія о западныхъ и юго-западныхъ его границахъ, т. е. желательно, по возможности, менѣе отдавать тамъ Турціи. Что же касается до восточной границы—между Болгаріей и Румеліей, то тамъ едва-ли могутъ много намъ попортить. Правда, туркамъ дозволено охранять границы Румелии и занять ихъ войсками, но гдѣ же у Турціи войска, и гдѣ средства построить крѣпости и массу казармъ, потому что туркамъ воспрещено располагаться, въ какомъ бы то ни было случаѣ, по обывательскимъ квартирамъ. На организацію войскъ, постройку крѣпостей и казармъ потребуются милліоны; у турокъ ихъ нѣтъ, а друзья ихъ едва-ли дадутъ имъ на это средства. Кромѣ того, мы имѣемъ право на громадное вознагражденіе. Захотятъ турки строить крѣпости, а мы имъ скажемъ: „у васъ есть свободныя деньги? пожалуйста ихъ намъ въ счетъ военной контрибуціи“. Поэтому, введеніе въ Румелію турецкихъ войскъ просто невысказано и все, что въ этомъ смыслѣ друзьями Турціи выговаривается на Конгрессѣ въ ея пользу, едва-ли практично. Дѣло въ томъ, что просто хотятъ унижать Россію и пакостить ей, гдѣ можно. Ну, а если въ Румелии турецкихъ войскъ не будетъ, мыслимо ли, чтобы искусственное ея отдѣленіе отъ Болгаріи продержалось долго? Если Молдавія и Валахія слились въ одно государство, то развѣ то же самое не ожидаетъ Болгарію и Румелію? Лично я думаю, что спорить о восточной границѣ Софійскаго санджака придется много; спорить будетъ

надо, но споръ этотъ, въ сущности, будетъ академическимъ, чего бы ни выдумала злоба—дѣйствительность восторжествуетъ и возьметъ свое.

На сегодняшнемъ засѣданіи, Каратеодори-Паша, возражая противъ уплаты Россіи военнаго вознагражденія, сказалъ, что ничто не вызывало войны, и что Россія воевала изъ-за „sentiments“. Шуваловъ напалъ на него, и тотъ просилъ, чтобы отвѣтъ его не записывали въ протоколъ, но Шуваловъ отвѣчалъ—возьмите свою записку, и я возьму мой отвѣтъ.

Что касается до денежнаго намъ вознагражденія, выговореннаго Санъ-Стефанскимъ договоромъ въ 310 милліоновъ рублей (пункты с и д ст. XIX договора), то о немъ много и долго толковали, вытянули отъ нашихъ уполномоченныхъ заявленіе, что мы не потребуемъ взамѣнъ его территоріальныхъ уступокъ и не будемъ взыскивать съ Порты этой контрибуціи въ ущербъ ея европейскимъ кредиторамъ, и въ концѣ концовъ постановили, что это дѣло частнаго соглашенія между Россіей и Турціей, а потому и нѣтъ надобности помѣщать что-либо объ этомъ въ договоръ, которымъ будетъ замѣненъ Санъ-Стефанскій. Это удивительно, всѣ выгоды для себя выговорили, въ протоколъ записали, а о нашихъ правахъ предоставили намъ самимъ вѣдаться съ султаномъ! ¹⁾

Говорятъ, 28 іюня будетъ послѣднее засѣданіе Конгресса, послѣ котораго разѣдутся главные уполномоченные, а остальные будутъ кончать дѣла Конгресса, приведеніемъ всего въ порядокъ.

Присоединеніе къ Россіи Бессарабіи окончено и рѣшено Конгрессомъ третьяго дня, 19-го іюня. Румынскіе министры Братіано и Кагальничеано, были введены въ залу Конгресса и прочли заявленіе, коимъ просили:

- а.) признать независимость Румыніи;
- б.) не отдѣлять отъ нея части Бессарабіи, присоединенной въ 1856 г.
- в.) воспретить Россіи, во время оккупаціи Болгаріи, проходить черезъ Румынію—у русскихъ есть для этого Дунай и море.
- г.) дать имъ дельту Дуная съ Змѣинымъ островомъ, и
- д.) дать имъ часть получаемаго Россіей денежнаго съ Турціи вознагражденія.

¹⁾ Курьезныя подробности этихъ дебатовъ занесены въ протоколъ № 11.

Независимость Румыніи была уже совершившимся фактомъ еще съ прошлаго года; Дунайскую дельту съ Змѣинымъ островомъ ей давали по Санъ-Стефанскому договору, слѣдовательно, заявленія Румыніи состояли въ протестѣ противу отторженія части Бессарабіи, въ запрещеніи намъ проходить черезъ Румынію и въ назначеніи части военнаго вознагражденія. Конгрессъ призналъ независимость Румыніи и уступку Бессарабіи, при чемъ Россія обѣщала нѣсколько прирѣзать къ Тульчинскому санджаку, чтобы захватить румынъ, живущихъ къ югу отъ юго-западной границы Добруджи. Итакъ дѣло возвращенія Бессарабіи—столь желанное Государемъ—сдѣлано, но дорого мы за него заплатили.

Среда 21 іюня/3 іюля. Сегодня утромъ ходилъ гулять съ графомъ Шуваловымъ въ Тиргартенъ. Онъ говоритъ, что еще ни разу не прошелся въ Берлинѣ свободно, и пригласилъ меня и Бобрикова въ Тиргартенъ, чтобы дорогою передать намъ разныя свѣдѣнія.

Прежде всего онъ сказалъ, что его очень заботятъ пренія по нашимъ азіатскимъ дѣламъ. Салисбюри заявилъ ему, что если Россія не уступитъ по вопросу о Батумѣ, то Англія потребуеть свободы проливовъ. Объ этомъ Шуваловъ телеграфировалъ сегодня въ Петербургъ, спрашивая окончательныхъ инструкцій на счетъ Батума.

По дѣлу о Софійскомъ санджакѣ, Салисбюри все твердитъ, что уступка его была сдѣлана имъ легкомысленно, и предложилъ даже возвратиться къ присоединенію къ Румеліи части Македоніи. По словамъ Салисбюри, общественное мнѣніе въ Англіи сильно возбуждено уступкою Софійскаго санджака, и вотъ почему они обязаны здѣсь усиленно хлопотать объ урѣзкѣ его съ цѣлью получить хотя бы Ихтеманскій проходъ. На одномъ изъ послѣднихъ совѣщаній уполномоченныхъ въ комиссіи de délimitation, когда Салисбюри предложилъ возвратиться къ старому проекту, т.-е. ко включенію части Македоніи въ Румелію, Шуваловъ говоритъ: хорошо, по-моему уже лучше дать границу по Балканамъ, но съ выводомъ турецкихъ войскъ изъ Румеліи. „J'accepte, кричитъ Мегеметь Али-Паша, съ одними милиціонерами я бы справился въ Румеліи, если бы былъ тамъ генераль-губернаторомъ“.

Изъ-за чего же мы спорили о пребываніи войскъ, когда это, какъ заявляетъ фельдмаршалъ Турція, несущественно важно. Слѣдовательно, все дѣло только шло объ отобраніи части земель отъ Болгаріи, а отнюдь не о стратегическихъ выгодахъ и необходимостихъ.

Совѣщаніе Шувалова по Софійскимъ границамъ не привело ни къ какимъ выгоднымъ для насъ результатамъ. Англичане упираются. Засѣданіе нашей комиссіи назначено сегодня въ 9 ч. вечера.

Вчера на обѣдѣ у Убри, мнѣ передавали, что Лорисъ-Меликовъ искалъ меня въ Н. де Rome и, не найдя меня тамъ, поѣхалъ въ Brittich Hôtel, на который ошибочно ему указали. Онъ просилъ мнѣ передать, что видѣлъ моихъ дѣтей и М. Пушкину послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга, и что всѣ они здоровы. Онъ (Лорисъ) поѣхалъ въ Эмсъ, кажется. Встрѣтилъ здѣсь Гершельмана съ женою и дочерью—тоже поѣхали въ Эмсъ.

Странно, что на этотъ разъ не видалъ еще въ Берлинѣ ни одного знакомаго поляка, всегда, бывало, встрѣчалъ ихъ не мало.

Четвергъ 22 іюня/4 іюля. Вчера наша комиссія разошлась въ 1/4 1-го ночи. Работали мы въ залѣ Конгресса, гдѣ, впрочемъ, насъ угостили только зельтерской водой, а какъ ее почти никто не пилъ, то все ограничилось хлопаніемъ пробокъ, которыя, наскучивъ сидѣть въ согрѣвшихся 4 бутылкахъ, вылетали съ громкими звуками.

Занятія наши, послѣ долгихъ споровъ, окончились постановкою трехъ вопросовъ:

1) будетъ ли бассейнъ Камчика принадлежать Болгаріи или нѣтъ?
2) какія исправленія слѣдуетъ сдѣлать въ границахъ Софійскаго санджака?

3) гдѣ южная граница Румеліи примыкаетъ къ Черному морю?

Оказалось необходимымъ еще разъ просить указаній Конгресса, что вѣроятно будетъ сдѣлано сегодня утромъ, а на вечеръ опять засѣданіе въ 9 ч.

Не знаю, помогутъ ли намъ итальянецъ и французъ съ пруссакомъ. Пруссакъ уже, впрочемъ, отлично разбираетъ стратегическое значеніе границъ и, можетъ быть, что-нибудь мы выторгуемъ. Австрійцы сердятся на сербскія границы, гадили ужасно и наводили на новыя требованія.

Утромъ былъ у Шувалова; рассказалъ ему о результатахъ вчерашняго засѣданія и узналъ, что сегодня у уполномоченныхъ (commission de délimitation) не будетъ собранія, а потому вѣроятно они сойдутся особо, чтобы переговорить о встрѣченныхъ нами затрудненіяхъ.

Кронъ-принцъ выразилъ желаніе, чтобы всѣ мы, прибывшіе на Конгрессъ, дали ему свои фотографическія карточки (кабинетныя) съ подписями. Пришлось сегодня сниматься у Naase. Заказалъ дю-

жину маленькихъ карточекъ (въ поясъ) и дюжину кабинетныхъ (во весь ростъ).

Сегодня 12-ое засѣданіе Конгресса; будутъ разсуждать о границахъ Черногоріи, аѳонскихъ монастыряхъ и греческомъ вопросѣ.

Мнѣ здѣсь невыносимо тяжело; съ какимъ восторгомъ вырвусь отсюда. Положеніе Россіи съ каждымъ днемъ не лучше, а хуже. Теперь начинается малоазіатскій вопросъ и неизвѣстно, что придется сдѣлать съ Батумомъ. Едва-ли онъ не потерянь для насъ. *Боже мой, сколько ужасныхъ результатовъ отъ незанятія своевременно Галипополи и Константинополя, а также отъ оставленія въ рукахъ турокъ—Шумлы, Варны и Батума. Варну уже пришлось купить на Конгрессѣ цѣною Македоніи, чего требуютъ за Батумъ?*

Пятница 23 іюня/5 іюля. Вчера вернулся домой въ 2 ч. ночи! Засѣдѣлись до невозможности, однако половину дѣла сдѣлали. Сегодня собираемся въ 2 часа и, вѣроятно, успѣемъ согласиться окончательно.

Предметомъ нашихъ занятій было окончательное проектированіе границъ Болгаріи и Румеліи. Такъ какъ о границѣ между Софійскимъ и Филиппопольскимъ санджаками все еще не достигнуто соглашеніе въ большой комиссіи, то мы рѣшили заняться южными границами Болгаріи и Румеліи. Обѣ границы были нами изучены еще прежде, 7/19 іюня, въ первоначальномъ составѣ нашей комиссіи. Относительно южной границы Румеліи и тогда было достигнуто соглашеніе почти на все ея протяженіе за исключеніемъ только точки упора ея въ Черное море. Мы представили свою границу, англичане—свою. Разница была незначительна. Итальянскій военный агентъ, графъ Дель-Майно, предложилъ среднюю линію, и всѣ приняли ее единогласно.

Вотъ эта граница:

„Предложеніе специальной комиссіи. Начиная отъ р. Арды у деревни Ада-Чали, граница поднимается до гребня Бештепе-Дагъ, по которому тянется до пункта, лежащаго на Марицѣ въ пяти километрахъ выше моста Мустафа-паши; направляется къ сѣверу по водораздѣлу между Демирханли и мелкими притоками Марицы до Кюделеръ-Боира; оттуда она пересѣкаетъ долину Тунджи, направляясь прямо къ Буюкъ-Дербенту, оставляя его на сѣверѣ такъ же, какъ и Суджакъ. Изъ Буюкъ-Дере она идетъ снова по водораздѣлу между притоками Тунджи на сѣверѣ и Марицы на югѣ на высотѣ Кайбиляра, который остается къ сѣверу; переходитъ къ югу отъ Алмала между бассейномъ Марицы на югѣ и разными рѣчками, впадающими прямо въ Черное море между деревнями Белевронъ и

Алатли; она слѣдуетъ къ сѣверу отъ Каранлика по гребнямъ Росны, Сувакъ, Илія, по линіи, отдѣляющей воды Дуки отъ водъ Карагачь-су, и прямикаеть къ Черному морю между двумя рѣками, носящими тѣ же названія“¹⁾).

Не то было съ южной границей Болгаріи. Тамъ на пространствѣ отъ Демиръ-Капу (къ западу отъ г. Котла) до Чернаго моря осталось прежнее разногласіе съ англичанами. Они хотѣли вести линіи по правому берегу Камчика, а мы—значительно южнѣе. Въ виду успѣшности посредничества графа Дель-Майно, мы, русскіе, обратились къ нему съ просьбой проектировать среднюю, согласительную линію. Подобное предложеніе было выгодно для насъ, а потому понятно, что англичане вовсе отклонились отъ участія въ проектированіи новой линіи; австрійцы держались пассивно. Когда итальянская линія была готова, англичане потребовали баллотировать ихъ старую линію. Голоса раздѣлились; четыре—мы, Пруссія, Франція и Италія,—сказали *нѣтъ* и отвергли англійскую линію, три голоса—Англія, Турція и Австрія—сказали *да*. Большинство голосовъ было на нашей сторонѣ, почему англійская линія была отвергнута и безъ баллотировки принята итальянская.

Англичане однако не сочли себя побитыми окончательно и требовали внесенія въ протоколъ ихъ предложенія о предоставленіи въ пользу Турціи оборонительной зоны въ пять километровъ ширины къ сѣверу отъ Демиръ-Капу да Чаликавака.

Предложеніе нашей комиссіи приняло такой видъ.

„Предложеніе спеціальной комиссіи. Оставляя по заявленію англійскаго уполномоченнаго дальнѣйшему обсужденію право определенія оборонительной зоны въ пять километровъ къ сѣверу между Демиръ-Капу и Чаликавакомъ, комиссія предлагаетъ:

„Направить линію по гребню Балканъ отъ Демиръ-Капу черезъ Казанъ-Балканъ къ сѣверу отъ Котла, Пришевиць-Балканъ, Карнабадь-Балканъ и гребню, тамъ съ нимъ соединяющемуся, до пункта, лежащаго къ востоку отъ слиянія рѣки Дели-Камчикъ и ручья Балабанъ; далѣе линія косвенно пересѣкаетъ долину Дели-Камчика, проходитъ къ сѣверу отъ Хаджимагале и къ югу отъ Кемчелика и Белибе и слѣдуетъ по руслу ручья, на которомъ находятся деревни Суджулукъ, Кулебе, Айваджикъ, Селамъ-кіей, Хаджи-кіей до Чернаго моря, оставляя Болгаріи деревни, лежащія по сѣверному берегу, и Румелин, по южному берегу“²⁾).

¹⁾ Эта самая линія и вошла потомъ въ Берлинскій трактатъ ст. XIV.

²⁾ Эта самая граница вошла въ Берлинскій трактатъ, статьи II и XIV, только тамъ подробнѣе означенъ пунктъ перехода Камчика—въ 2¹/₂ верстахъ выше Ченгеля. См. дальше подъ 26 іюня (8 іюля).

Былъ уже второй часъ ночи, какъ турецкіе офицеры, переговоривъ между собою, предложили новое направленіе съ цѣлью представить Турціи Ваково. Несмотря на позднее время, пришлось голосовать. Вышло: 6 *нѣтъ* и 1 *да*. Даже англичане и австрійцы не захотѣли согласиться съ своими кліентами—это очень курьезно. Турки не сконфузились, хотя это было единственное ихъ предложеніе во все время нашихъ работъ: всѣ заботы о нихъ приняли на себя англичане и австрійцы.

Сегодня утромъ я еще спалъ—стучатся. Отворяю—карточка молодого Трепова, бывшаго у насъ на Дунаѣ. Ѳедоръ Ѳедоровичъ вчера пріѣхалъ сюда и сегодня уѣзжаетъ. Спрашиваетъ, когда можно меня видѣть... Я сказалъ, что буду сейчасъ самъ и пошелъ въ 10^{1/2} ч., но уже было поздно, онъ поѣхалъ къ Шувалову. У Шувалова тоже не засталъ; придется зайти въ ^{1/2} 2-го передъ нашимъ совѣщаніемъ, а если и это не удастся, то поѣду проводить его на желѣзную дорогу. Онъ, говорятъ, совершенно поправился, ходитъ безъ палки, однако рана не зажила, и кромѣ того пуля сидитъ еще въ немъ, неизвѣстно гдѣ. Юноша же совсѣмъ поправился.

Утромъ былъ у Шувалова и нашелъ его весьма озабоченнымъ. Отвѣта изъ Петербурга на счетъ Батума все еще нѣтъ и опять нельзя о немъ говорить на Конгрессѣ. Биконсфильдъ сердится и сказалъ, что если до субботы не будетъ отвѣта, то онъ дальше не останется здѣсь и въ понедѣльникъ уѣдетъ. Бисмаркъ тоже недоволенъ замедленіемъ, говоря, что наши азіатскія дѣла малоинтересны для него и для Европы.

Послѣдніе два дня свѣжо, и по вечерамъ приходится надѣвать пальто.

Сообщила А. С. Анучина.

(Окончаніе слѣдуетъ).

